

УДК 14
ББК 71; 83

Гирин Юрий Николаевич

Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, 121069, Россия, Москва, ул. Поварская, 25а
ORCID ID: 0000-0002-3251-0641
ResearcherID: GSD-7279-2022
yurigirin@hotmail.com

Ключевые слова: М.М. Бахтин, исследования смеховой культуры, кинокомедия, архетипы, полимодальность, амбивалентность, эпистемы

Гирин Юрий Николаевич

В поисках эпистем, или Научная рецепция некоторых идей М.М. Бахтина

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

DOI: 10.51678/2226-0072-2023-4-34-47

Для цит.: Гирин Ю.Н. В поисках эпистем, или Научная рецепция некоторых идей М.М. Бахтина // Художественная культура. 2023. № 4. С. 34–47. <https://doi.org/10.51678/2226-0072-2023-4-34-47>.

For cit.: Girin Yu.N. In Search of Epistems, or the Scientific Reception of Some of M.M. Bakhtin's Ideas. *Hudozhestvennaya kul'tura* [Art & Culture Studies], 2023, no. 4, pp. 34–47. <https://doi.org/10.51678/2226-0072-2023-4-34-47>. (In Russian)

Girin Yuri N.

D.Sc. (in Philology), Leading Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, 25a Povarskaya Str., Moscow, 121069, Russia
ORCID ID: 0000-0002-3251-0641
ResearcherID: GSD-7279-2022
yurigirin@hotmail.com

Keywords: M.M. Bakhtin, studies on laughter culture, film comedy, archetypes, polymodality, ambivalence, epistems

Girin Yuri N.

In Search of Epistems, or the Scientific Reception of Some of M.M. Bakhtin's Ideas

Аннотация. В статье рассматриваются концептуальные положения М.М. Бахтина в контексте дальнейших исследований смеховой культуры и комедии, в том числе советской кинокомедии. Пересматривая сложившуюся в науке традицию универсального применения идей Бахтина при анализе многих художественных явлений, автор акцентирует их неоднозначность и значение лишь как одного из исследовательских подходов комплексного изучения культуры. И в то же время особую актуальность в условиях современного эпистемологического кризиса и парадигмы многовариантности, неопределенности и нелинейности мира и человека обретает понятие амбивалентности, структурировавшее теорию карнавальности и философию Бахтина. Именно неоднозначная и незавершенная философия М.М. Бахтина представляется опорой при разработке новой методологии познания (благодаря и своей «открытой форме»).

Abstract. The article examines the conceptual positions of M.M. Bakhtin in the context of further studies of laughter culture and comedy, including Soviet film comedy. Revising the tradition of universal application of Bakhtin's ideas in the analysis of many artistic phenomena that has developed in science, the author emphasizes their ambiguity and significance only as one of the research approaches to the complex study of culture. And at the same time, the concept of ambivalence, which structured the theory of carnivality and Bakhtin's philosophy, acquires special relevance in the conditions of the modern epistemological crisis and the paradigm of multivariance, uncertainty and nonlinearity of the world and man. It is M.M. Bakhtin's ambiguous and incomplete philosophy that seems to be the mainstay in the development of a new methodology of cognition (also due to its "open form").

Введение

Уильям Блейк призывал «В одном мгновенье видеть вечность, / Огромный мир — в зерне песка, / В единой горсти — бесконечность / И небо — в чашечке цветка». Как представляется, этот девиз заключает в себе квинтэссенцию подлинно исследовательского подхода. Длительное погружение в изучение вроде бы легкого жанра кинокомедии побуждает обратиться к архетипическому уровню образов. В самом деле, многие комедийные образы и персонажи далеко не случайны: уже только гайдаевский Шурик с осликом в «Кавказской пленнице» Л. Гайдая (1966) — это травестийный парафраз Сына Божьего, как он рассмотрен в классической работе О.М. Фрейденберг «Въезд в Иерусалим на осле» [18]. При этом существенно, что в евангельском сюжете Иисус посылает за осликом *двух* учеников и они приводят к нему *двух* ослів — таким образом, перед нами уже мотив парности, близнечного мифа и т.п. Сам же осел есть символ бога, а комедийный персонаж Шурик, дублирующий/пародирующий демиурга, предстает полновесным трикстером, но в то же время и пародийно сниженным, снятым образом Спасителя — он ведь и едет именно спасать. Разумеется, ассоциации эти непреднамеренны, они лишь подтверждают мысль академика Б.А. Рыбакова по поводу примордиальных мифологем: «Глубина народной памяти измеряется десятками тысячелетий» [15, с. 95]. Но ведь и евангельская мифологема не на пустом месте возникла. И это только начало цепочки архетипических образов.

Причем образов парных — не случайно от Шурика протягивается ассоциативная нить к двойному образу Дон Кихота и Санчо Пансы. Пресловутый персонаж Шурик (как становится очевидно, не столь уж и простоватый) оказывается нагруженным колоссальными смыслами. Как парафраз Иисуса Христа он выступает в образе блаженного, неотмирного, юродивого (к этой ипостаси его еще придется вернуться). Как двоякоосуществительный персонаж он совмещает в себе смыслы мировых близнечных мифов и их героев, претворенных в современной культуре: это Том Сойер и Гек Финн, Принц и Нищий, Шерлок Холмс и доктор Ватсон, Дживс и Вустер, трикстер Остап Бендер и его пародийная проекция Паниковский; но одновременно это и концентрация внутреннего антагонизма, приводящего к кризису личности, — антагонизма, воплощенного в образах Каина и Авеля, Гектора

и Ахилла и т.д. Отсюда уже рукой подать до мотива романтического двойничества и бесконечно содержательного приема зеркальности, продолжающегося в формах рекурсии и фрактальности, что ведет к современным представлениям о бесконечности и множественности миров. Это концентрация смыслов, которые удерживает разновекторная мифологема двуликого Януса.

Поэтому, обращаясь к концептуальным положениям М.М. Бахтина о мире смеховой культуры, мы должны помещать их в сферу более объемных смыслов, чем это было принято до сих пор.

Еще раз о концепции Бахтина

Концепция Бахтина при всей своей значительности и революционности оставила в стороне важнейшие смежные типологические аспекты, затронутые лишь по касательной. Это прежде всего проблема Иного, Другого, которую поднял М. Бубер («Я и Ты», 1923), а впоследствии разрабатывали представители экзистенциализма; это и непосредственно связанный с карнавалом феномен юродства (информа инаковости), обладающий многоуровневой смысловой глубиной — особенно для русской культуры [см.: 4; 11; 12]. Указанные концепты замыкаются на фигуре князя Мышкина, образ которого выражает не только неотмирность, но и буквальное значение греческого слова *ἰδιότης* — иной, несведущий, — отсылающее к текстам Писания, где акцентируется говорение иными, неведомыми профанному миру словами.

И все же: «Вначале был *trikster*», — так начинает С.М. Макаров свою книгу «Смех сквозь века» (2017), исследующую эволюцию смеховой культуры как универсальной практики [9]. Л.В. Карасев в книге «Философия смеха» (1996) поднимает проблему в теоретическом плане как имманентное свойство человеческой природы. Справедливо отмечая как самоочевидность тот факт, что феномен смеха не сводится к одной лишь средневековой культуре, пусть даже и карнавальная, он рассматривает явление смеха в онтологическом измерении и описывает смех в аннотации к книге «как парадоксальное явление, сосредоточившее в себе все многообразие и противоречивость человеческой культуры» в соотношении с «такими понятиями, как зло, стыд, время, миф, будущее, сон, свобода» [5, с. 223].

Смех в концепции Карасева отделен от праздничного веселья — он может быть оборотной стороной трагического, подобно тому, как добро связано со злом. К тому же, пишет он, «смех ориентирован на другого» [5, с. 68]. Бахтин полагал, что «за смехом никогда не таится насилие» — увы, ошибочность этого тезиса состояла уже хотя бы в том, что он строился на дихотомичной основе, в парадигме антиномичного сознания. Но изначальные смыслы смеха вбирают в себя сложную — и противоречивую — совокупность жизненных практик, в основном ритуального характера, как это было показано впоследствии во множестве трудов, исследующих мифопоэтическую природу человеческого сознания. Об этом же по-своему писал и Й. Хейзинга, в своем труде *Homo ludens* (1938) отмечавший, что «вид человека в маске сразу же выводит нас из „обыденной“ жизни в иной мир, далекий от света дня» [19, с. 39].

Несомненно, что основа всех этих единичных образов — общий архетип, «тысячеликий герой», описанный Дж. Кэмпбеллом в его ставших мировой классикой трудах. Однако главная книга Кэмпбелла «Герой с тысячей лиц» (1949) [6] хронологически (но не стадийно) преемствует не менее классическому труду В.Я. Проппа «Морфология сказки» (1928) [14] — в них исследуется не только типовая структура повествовательной сюжетки единого космогонического мифа, но и многоаспектный образ героя, представленный как бесконечная вариативность примордиального мифообраза, рождаемого внутренним опытом человека. К этим тезисам можно добавить лишь то соображение, что отмеченная полимодальность микромира субъекта обращается в полиморфизм типов в универсуме демиурга-художника, сообщающего своим героям частицы собственной личности.

Замечу попутно, что и сюжет «Иронии судьбы...» Э. Рязанова (1975) построен на древнейшем сюжетообразующем приеме *qui pro quo*, структурирующем шедевры мировой классики от комедий Плавта до гоголевского «Ревизора». Прием древнейший, но карнавален ли он? Пожалуй, это скорее эстетика маски, но не карнавала. (В современных публикациях встречается некритическое совмещение понятий карнавала и маскарада). Наглядный пример некарнавальности карнавала (если уж говорить о кино) — это рязановская «Карнавальная ночь» (1956), построенная на сюжете маскарада с включением приема *qui pro quo*.

Концепция карнавальности справедливо ставится под сомнение рядом ученых. Достаточно обратиться к авторитетному изданию «М.М. Бахтин. Pro et contra» в 2 томах [8; см. также: 1]. Можно упомянуть и критические выступления на проведенном в 2012 году в калининградском Балтийском федеральном университете имени Иммануила Канта международном семинаре-дискуссии «Карнавал/карнавализация, шутовство/юрродство». Особенно убедительным представляется комплексный анализ феномена смеха и критика его трактовки в философии Бахтина в книге М.Т. Рюминой «Эстетика смеха» [16]. В самом деле, фирменные бахтинские концепты «карнавальность», «карнавализация», так же как и «мениппея», нисколько не терминологичны. Их смыслы размыты, зыбки и контекстуально относительны, как и концепция «полифонического романа». Так, Бахтин полагал, что и роман «Идиот» носит «внешне карнавальный характер». То есть все это скорее метафоры, призванные выразить феноменологическое осмысление фактического контекста той реальности, когда обнаруживается несовпадение истинной и ложной картин мира. В наше время такую ситуацию называют когнитивным диссонансом.

Относительность своих категорий признавал и сам Бахтин, когда говорил, что предметом его исследования был не собственно Рабле, а «народные, празднично-гротескные формы», представленные в творчестве Рабле [8 (1), с. 328]. Можно предположить, что в 1940-м Бахтина интересовала не столько культура Средневековья и Ренессанса, сколько современная ему жизнь общества, механизмы функционирования массового сознания и мир перевернутых ценностей, которые в данных ему обстоятельствах он мог изучать только на примере далеких веков. Столь же относительна и концепция диалогизма, построенная на материале творчества Ф.М. Достоевского. Во-первых, понятие диалогизма у Бахтина было весьма нечетким и постоянно эволюционировало; а во-вторых, его концепция диалога весьма отличалась от понимания диалога самим Достоевским [см.: 17]. Главная проблема философии Бахтина в том, что его концепция полифонии строилась в условиях дуальной картины мира, обусловленной советской действительностью. Направленная самой своей сутью против догматического мышления, философия Бахтина помимо воли автора постепенно сделалась новой догмой. Бахтину стали по-

всеместно присягать точно так же, как еще пару десятилетий назад присягали классикам-основоположникам. И все же: редуцировавший всю глубину поэтики романов Достоевского к приему диалогизма, противопоставляемого монологическому слову, Бахтин в действительности мыслит гораздо шире, поскольку сам признавал, что «единая истина требует множественности сознаний», что она «по природе событийна и рождается в точке соприкосновения разных сознаний». Проблема еще и в том, что Достоевский описывал один исторически детерминированный тип человека, а Бахтин, локализованный в другой эпохе, на его материале трактовал все-таки иной тип человека и иной тип сознания.

В советской культуре вообще доминировала дихотомичная, манихейская трактовка всех жизненных ситуаций и коллизий, практически исключавшая полутона, двоякости и сомнительности. В постсоветской картине мира культурное пространство переменяло полюса и оценки, но по сути продолжало функционировать все в той же парадигме дуалистической аксиологии. Однако со временем смех вырвался из-под идеологического спуда, и тут уже загремел без удержу и без меры, обрета количество и качество, затмившие эстетику нуара. «Горьким смехом моим посмеюся...» И лучшего эпиграфа к описанию эпохи, пожалуй, не сыскать, чем этот парафраз ветхозаветного обличителя пророка Иеремии, который скорбно изрекал: «Ибо лишь только начну говорить я, — кричу о насилии, вопию о разорении, потому что слово Господне обратилось в поношение мне и в повседневное посмеяние» (Иер. 20:8).

Современная наука затрудняется предложить сколько-нибудь конструктивный инструментарий для интерпретации реалий становящейся все более стремительной и активной событийности. Делаящиеся все более агрессивными доминанты повседневной жизни не случайно получили новое обозначение — вызовы. Вызовы времени, глобальные вызовы, вызовы и угрозы — все они по определению требуют защитной реакции субъекта, который, однако, не находит достаточно действенного механизма обороны от все более враждебной ему реальности. Таким защитным механизмом у человека всегда служило окликание, называние врага по имени, поименование предметов чуждого мира, нарекание вещей именами. В Священном Писании нарекание имен означает самоутверждение человека в мире.

В самом широком смысле означение есть акт творчества по преимуществу: «Обозначая пространство, знак творит его», что «указывает на совершенно особую космогоническую функцию знака» [3, с. 183]. Назвать имя сущности — значит овладеть ею, подчинить себе. Об этом труд А.Ф. Лосева «Философия имени» (1927) [7]⁽¹⁾, вобравший в себя идеи русской философии имяславия, которая разрабатывала онтологическую проблематику в рамках богословия. С.Н. Булгаков в одноименном труде (1919–1923), рассматривая «онтологическую природу слова», утверждал: «Всякое познание есть именованье, а предикат, идея, срастаясь с субъектом, с подлежащим, дает имя» [2, с. 186].

Но у современного человека, потерявшего ощущение эссенциальности мира, имен для поименования его форм и явлений, то есть предикатов, не находится, поэтому он окружает себя псевдоценностями, симулякрами, копиями смыслонаполненных форм и копиями копий. Мир знаков перестал быть миром сущностей. Симулякр есть истина, утверждал Ж. Бодрийяр, обнаруживший, что человечество живет в мире мнимостей, пустых форм, не отсылающих к реальности. Заместившая смыслонаполненную предметность мира идея симулякра была попыткой заклатья в мире ускользающих смыслов, попыткой зафиксировать спасительные ориентиры лого- и радио-ориентированной картины мира путем отчаянного набрасывания псевдознаков — префиксов «пост-»: постклассическая, постнеклассическая, постмодернистская, постпостмодернистская картина мира. Возникает новая, плюралистическая парадигма с принципиально иными эпистемологическими установками.

(1) А.Ф. Лосев писал: «Человек, для которого нет имени, для которого имя только простой звук, а не сами предметы в их смысловой явленности, этот человек глух и нем, и живет он в глухонемой действительности. Если слово не действительно и имя не реально, не есть фактор самой действительности, наконец, не есть сама социальная (в широчайшем смысле этого понятия) действительность, тогда существует только тьма и безумие и копошатся в этой тьме только такие же темные и безумные, глухонемые чудовища» [7, с. 34].

Заключение

Это парадигма полимодальности и полионтичности, к которой подошел, но не отрефлектировал свои прозрения Бахтин. На протяжении одного столетия произошла эволюция эпистемологических моделей: от диалогизма к полимодальности. Безвременно ушедший из жизни искусствовед В.Н. Прокофьев еще в 1978 году писал о том, что «истории искусства предстоит пойти дальше вычленения стилевых моделей — к определению „художественных моделей мира“ уже надстилевого или сверхстилевого свойства» [13, с. 261]. В те времена эта идея казалась едва ли не кощунственной. Но она не забылась и не ушла в песок, а постепенно выростала в новую концепцию интерпретации искусства и всего человекобытия. Много позже известный литературовед А.В. Михайлов будет писать о одновременности всех культурно-исторических смыслов, предстающих перед исследователем. Он был убежден в относительности таких понятий как течения, направления: «Течения, направления, стоящая за ними разобщенность стилей — все это возникает с исторической неизбежностью, но все это для поэтического слова вторично, все это ослабляет его, разбивая его целостность, расщепляя на частности, отвлекая от существенного» [10, с. 17].

В условиях современного эпистемологического дисбаланса возникает вопрос о разработке новой методологии познания, выработке нового интерпретационного инструментария. И вот тут как раз не вполне устойчивое понятие амбивалентности, структурировавшее теорию карнавальности и всю философию Бахтина, неожиданно оказывается актуальным в контексте современных представлений о многовариантности, неопределенности и нелинейности природы мира и человека. Парадигма полионтизма предполагает со-бытийность множества миров и пластов бытия. Но эта неоднозначность миропорядка внутри человека и вне его и была краеугольным камнем столь же неоднозначной и незавершенной философии М.М. Бахтина, открытой в будущее.

Список литературы:

- 1 Аверинцев С.С. Бахтин, смех, христианская культура // М.М. Бахтин как философ / Ред. С.С. Аверинцев. М.: Наука, 1992. С. 9–21.
- 2 Булгаков С.Н. Философия имени. КаИр, 1997. 330 с.
- 3 Евзлин М. Космогония и ритуал / Предисл. В.Н. Топорова. М.: Радикс, 1993. 337 с.
- 4 Иванов С.А. Блаженные похабы: Культурная история юродства. М.: Языки славянских культур, 2005. 448 с.
- 5 Карасев Л.В. Философия смеха. М.: РГГУ, 1996. 224 с.
- 6 Кэмпбелл Дж. Герой с тысячей лиц / Пер. с англ. Киев: София, 1997. 335 с.
- 7 Лосев А.Ф. Философия имени // Лосев А.Ф. Самое само: Сочинения. М.: Эксмо-Пресс, 1999. С. 29–204.
- 8 М.М. Бахтин: pro et contra: Личность и творчество М.М. Бахтина в оценке русской и мировой гуманитарной мысли: Антология / Сост. К.Г. Исупов. Т. 1. СПб.: Изд-во Рус. христиан. гуманитар. ин-та, 2001. 552 с.; Т. 2. СПб.: Изд-во Рус. христиан. гуманитар. ин-та, 2002. 712 с.
- 9 Макаров С.М. Смех сквозь века: История смеха от трикстеров до Юрия Никулина. М.: URSS; ЛЕНАНД, 2017. 256 с.
- 10 Михайлов А.В. Диалектика литературной эпохи // Михайлов А.В. Языки культуры. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 13–42.
- 11 Панченко А.М. Смех как зрелище // Лихачев Д.С., Панченко А.М., Поньрко Н.В. Смех в Древней Руси. Л.: Наука, 1984. С. 72–153.
- 12 Панченко А.М. Юродивые на Руси // Панченко А.М. Русская история и культура: Работы разных лет. СПб.: Юна, 1999. С. 392–407.
- 13 Прокофьев В.Н. Художественная критика, история искусства, теория общего художественного процесса: их специфика и проблемы взаимодействия в пределах искусствознания // Советское искусствознание'77. Вып. 2. М., 1978. С. 233–265.
- 14 Пропл В.Я. Морфология сказки. 2-е изд. М.: [Наука], 1969. 168 с.
- 15 Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М.: Наука, 1981. 607 с.
- 16 Рюмина М.Т. Эстетика смеха: Смех как виртуальная реальность. М.: URSS, 2022. 316 с.
- 17 Степанян К.А. Явление и диалог в романах Ф.М. Достоевского. СПб.: Крига, 2010. 398 с.
- 18 Фрейденберг О.М. Везд в Иерусалим на осле (из евангельской мифологии) // Freidenberg.ru. URL: <http://freidenberg.ru/docs/nauchnyetrudy/stat'i/v'ezdvierusalimnaosle> (дата обращения 10.07.2023).
- 19 Хейзинга Й. Homo ludens; В тени завтрашнего дня / Пер. с нидерл. и примеч. В.В. Ошиса. М.: Прогресс; Прогресс-Академия, 1992. 459 с.

References:

- 1 Averintsev S.S. Bakhtin, smekh, khristianskaya kul'tura [Bakhtin, Laughter, Christian Culture]. *M.M. Bakhtin kak filosof* [M.M. Bakhtin as a Philosopher], ed. S.S. Averintsev. Moscow, Nauka Publ., 1992, pp. 9–21. (In Russian)
- 2 Bulgakov S.N. *Filosofiya imeni* [Philosophy of the Name]. Kalr Publ., 1997. 330 p. (In Russian)
- 3 Evzlin M. *Kosmogoniya i ritual* [Cosmogony and Ritual], preface V.N. Toporov. Moscow, Radiks Publ., 1993. 337 p. (In Russian)
- 4 Ivanov S.A. *Blazhennye pokhaby: Kul'turnaya istoriya yurodstva* [Blessed Obscenities: A Cultural History of Foolishness]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2005. 448 p. (In Russian)
- 5 Karasev L.V. *Filosofiya smekha* [The Philosophy of Laughter]. Moscow, RGGU Publ., 1996. 224 p. (In Russian)
- 6 Campbell J. *Geroi s tysyach'yu lits* [A Hero with a Thousand Faces], transl. from English. Kiev, Sophiya Publ., 1997. 335 p. (In Russian)
- 7 Losev A.F. *Filosofiya imeni* [Philosophy of the Name]. Losev A.F. *Samoe samo: Sochineniya* [The Very Most: Essays]. Moscow, Ehksmo-Press Publ., 199, pp. 29–204. (In Russian)
- 8 *M.M. Bakhtin: pro et contra: Lichnost' i tvorchestvo M.M. Bakhtina v otsenke russkoi i mirovoi gumanitarnoi mysli: Antologiya* [M.M. Bakhtin: pro et contra: Personality and Creativity of M.M. Bakhtin in the Assessment of Russian and World Humanitarian Thought: An Anthology], comp. K.G. Isupov. Vol. 1. St. Petersburg, Izd-vo Rus. khristian. gumanitar. in-ta Publ., 2001. 552 p.; Vol. 2. St. Petersburg, Izd-vo Rus. khristian. gumanitar. in-ta Publ., 2002. 712 p. (In Russian)
- 9 Makarov A.V. *Smekh skvoz' veka: Istoriya smekha ot triksterov do Yuriya Nikulina* [Laughter through the Ages: The Story of Laughter from Tricksters to Yuri Nikulin]. Moscow, URRS Publ., LENAND Publ., 2017. 256 p. (In Russian)
- 10 Mikhailov A.V. *Dialektika literaturnoi ehpokhi* [Dialectics of the Literary Epoch]. Mikhailov A.V. *Yazyki kul'tury* [Languages of Culture]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1997, pp. 13–42. (In Russian)
- 11 Panchenko A.M. *Smekh kak zrelishche* [Laughter as a Spectacle]. Likhachev D.S., Panchenko A.M., Ponyrko N.V. *Smekh v Drevnei Rusi* [Laughter in Ancient Russia]. Leningrad, Nauka Publ., 1984, pp. 72–153. (In Russian)
- 12 Panchenko A.M. *Yurodivye na Rusi* [Fools in Russia]. Panchenko A.M. *Russkaya istoriya i kul'tura: Raboty raznykh let* [Russian History and Culture: Works of Different Years]. St. Petersburg, Yuna Publ., 1999, pp. 392–407. (In Russian)
- 13 Prokof'ev V.N. *Khudozhestvennaya kritika, istoriya iskusstva, teoriya obshchego khudozhestvennogo protsessa: ikh spetsifika i problemy vzaimodeistviya v predelakh iskusstvovedeniya* [Art Criticism, Art History, Theory of the General Artistic Process: Their Specifics and Problems of Interaction within Art Studies]. *Sovetskoe iskusstvovoznanie*'77, issue 2. Moscow, 1978, pp. 233–265. (In Russian)
- 14 Propp V. Ya. *Morfologiya skazki* [Morphology of the Fairy Tale]. 2nd ed. Moscow, Nauka Publ., 1969. 168 p. (In Russian)
- 15 Rybakov B.A. *Yazychestvo drevnikh slavyan* [Paganism of the Ancient Slavs]. Moscow, Nauka Publ., 1981. 607 p. (In Russian)
- 16 Ryumina M.T. *Ehstetika smekha: Smekh kak virtual'naya real'nost'* [Aesthetics of Laughter: Laughter as a Virtual Reality]. Moscow, URSS Publ., 2022. 316 p. (In Russian)
- 17 Stepanyan K.A. *Yavlenie i dialog v romanakh F.M. Dostoevskogo* [Phenomenon and Dialogue in the Novels of F.M. Dostoevsky]. St. Petersburg, Kriga Publ., 2010. 398 p. (In Russian)
- 18 Freidenberg O.M. *V'ezd v Ierusalim na osle (iz evangel'skoi mifologii)* [Entry to Jerusalem on a Donkey (from Evangelical Mythology)]. *Freidenberg.ru*. Available at: <http://freidenberg.ru/docs/nauchnyetrudy/stat'i/v'ezdvierusalimnaosle> (accessed 10.07.2023). (In Russian)
- 19 Huizinga J. *Homo ludens; V teni zavtrashnego dnya* [Homo ludens; In the Shadow of Tomorrow], transl. from Dutch and notes V.V. Oshis. Moscow, Progress, Progress-Akademiya Publ., 1992. 459 p. (In Russian)